

Аше
ГАРРИДО
и Д.

КНИГА
ДОКА

18+

Аше Гарридо
Д. Д.
Книга Дока
Серия «Лабиринты Макса Фрая»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/39854248>

Книга Дока: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121027-4

Аннотация

<p>«Невозможно помнить о себе, что ты умер, и одновременно верить, что ты живёшь».</p> <p>Но что, если в это верит кто-то другой? Кто-то, кому очень нужно, чтобы это было так, и кто достаточно упрям, чтобы пойти против обстоятельств, фактов и самих законов реальности?..</p> <p>Док, руководитель группы секретной службы, намерен вернуть с того света коллегу и любимого человека, погибшего во время последнего задания. Ну, по крайней мере, все в группе помнят, что он погиб. Или не помнят?.. Или помнят, но не все?..</p> <p>Роман начинается с игры, играет с читателем до последней строчки, дальше читатель играет сам.</p>

Содержание

Голубой, розовый, желтый	5
Девочки Дока	14
Козья жимолость	28
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Аше Гарридо ИД

Книга Дока

© Аше Гарридо и Д., текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Голубой, розовый, желтый

– Купи слона!

Клемс подхватил игру:

– Все говорят «купи слона», а ты купи...

– Да нет, – вздохнул Док. – Вот этого, розового.

Клемс перевел взгляд на прилавок. Слон был розовый, как крем на пирожном.

– Док? – переспросил Клемс. – Ты уверен?

– Я отдам, я, видишь, оставил тут всю наличку, – Док покачал объемистыми пакетами в обеих руках. – А картой не берут. До ближайшего банкомата – и отдам. Будь другом...

– Да без проблем, вот. Но потом сразу обедать. И греться.

– Договорились.

Клемс вынул кошелек и шагнул к прилавку.

– Сколько?

Стоил слон впечатляюще. Для елочной игрушки – даже не смешно. То есть, конечно, бывают и дороже: в стеклянных витринах, на бархате солидных коробок, вызывающе дорогие – каждая потянет на скромное колечко с искоркой. Но слон звезд с неба не хватал и даже не нацеливался. Ситцевый пестрый цветочек по розовому пластику, куда уж скромнее.

– Дорого, слушай, – Клемс попытался хоть так образумить друга.

– Все говорят «дорого». А ты купи.

– Да мне-то что? Это ж ты покупаешь, считай.

– Я считаю.

– Может, хоть поторгуемся? Ярмарка...

– Об этом не может быть речи, – отрезал Док. – Давай я тебе прямо сейчас деньги переведу.

Он потыкал пальцем в сенсорный экран телефона, и аппарат Клемса коротким жужжанием сообщил о поступлении денег на счет.

– Всё? Больше вопросов нет? Я покупаю этого слона. Пожалуйста, заплати, пока его кто-нибудь не увел...

Клемс сильно сомневался в том, что кто-то может покуиться на это нелепое сокровище, но медлить больше не стал. Каждый сходит с ума по-своему, друзья в таких ситуациях и познаются. Кто-то сыр медом мажет, а кто-то молочную лапшу на дух не переносит, мало ли у людей причуд. Док может себе позволить что угодно. Клемс не станет уважать его меньше. Да и больше уже, пожалуй, не получится: всё уважение, какое только может вместиться в Клемса, уже в нем, а больше не влезет.

Продавец в перчатках с обрезанными пальцами аккуратно принял деньги, пересчитал, сложил в бумажник. Снял с крючка золотистую петельку и, покачивая розовым слоником в воздухе, свободной рукой расправил бумажный пакет. Крошечный узелок неслышно распустился, слоник как раз взлетел к высшей точке короткой дуги и, ничем более не сдерживаемый, продолжил полет. Клемс готов был по-

клясться, что в этом стремительном вознесении было что-то неладное, против законов физики.

Перламутрово сверкнув, розовый слоник выпорхнул из-под пестрого навеса и вознесся над ярмарочной толпой. Док взвился с места, пальцы вытянутой руки сомкнулись точно на беглеце, пригасив розовое сияние.

– Есть, – выдохнул Док. – Цел.

– Да он пластиковый. Не разбился бы. Разве что затоптать могли. И то вряд ли, – ворчал Клемс, подбирая пакеты, которые Док просто выпустил из рук в момент прыжка.

– Спасибо. Но... Ты даже не представляешь, на что они способны, – Док поднес игрушку к лицу, как будто пытаюсь посмотреть слону в нарисованные глаза. – Слышь, ты. Не здесь. Не сейчас.

Следующий был голубым в лиловую полоску и стоил даже дешевле, чем выглядел. Клемс пожал плечами и вынул из кармана монеты.

– Буду должен, – благодарно кивнул Док и выжидательно посмотрел на девушку за прилавком, поверх пуховика повязанную кокетливым передничком. Та дернула подбородком – берите, мол, сами. Клемс потянулся к слонику, наполовину торчащему из картонной упаковки, но Док быстрым жестом остановил его.

– С наступающим, девушка, какая вы симпатичная, дайте нам этого слоника, пожалуйста! – отбарабанил он чуть ли не

в одно слово.

Девушка хмыкнула, но всё же подцепила игрушку и потянула из гнезда. Слоник выскользнул из озябших пальцев, подпрыгнул и кувыркнулся в воздухе, как будто оттолкнувшись от него уже в полете. На этот раз Док был наготове: его рука в перчатке метнулась наперерез и накрыла беглеца сверху.

– Вот так. Настоящие. Видишь? – он повернулся к Клемсу, ожидая подтверждения. Будто необычайная резвость игрушек должна была о чем-то свидетельствовать.

– Слушай, Док, ты не хочешь мне что-нибудь объяснить? Ну, хотя б немножко, а? Пару намеков, дальше я сам разберусь.

Желтый слон в цирковой попоне и налобнике с кистями стоил вполне адекватно своей категории. Этот не пытался взлететь, но резко взял поперек прилавка – и вниз. Док чудом не разбил лоб, стремительно наклонившись следом. Успел. Погрозил беглецу пальцем и отправил за пазуху, к предыдущим.

– Слушай, Док... Я ведь уже второй час твои пакеты таскаю, если ты не заметил... Мне не жалко, не тяжело, не обидно. Мне любопытно просто, понимаешь?

– Второй час? – переспросил Док. Его лицо передернулось, взгляд заострился, как будто он вынырнул из глубокого транса.

– Ну, условно говоря, второй. Хотя через пару минут начнется третий.

– То есть ты со мной два часа – и с моими пакетами? И ни слова не возразил?

– Ну, я же вижу: нужно человеку, позарез нужно. Слоны такие... вёрткие. Загадка. Но ты же – Док. Тебе положено.

– Пойдем, Клемс, обедать. И греться. Выходим с торжища вон в ту сторону, за углом неплохое местечко. Мясо там жарят годно и алкоголь выше среднего. Я тебе там расскажу.

Мясо жарили и вправду годно, хрустящая корочка снаружи, вредная и невыносимо соблазнительная, сочная мякоть внутри – опасная, будоражащая самые хищные инстинкты. Клемс рассмотрел еду очень внимательно – и переключился на вино. Затем отставил в сторону полный стакан.

– Давай я сам сначала скажу.

– Ну, так, – согласился Док.

– Я не знаю, что это за слоны такие. Но ты, во-первых, позаботился о том, чтобы покупать их на чужие деньги. Во-вторых, брал только сам и только из рук продавцов. И в-третьих... Что же было в-третьих? Ускользнуло. Но ты взял трех слонов и точка. И проснулся. Всё так?

– Всё так, Клемс. Точно так. В-третьих было то, что мы с тобой не первый год этим занимаемся. Помнишь?

– Не первый? А... какой?

– Еще не десятый, но близко к тому. Каждый год. Три сло-

на. Я покупаю. За твои деньги. Они пытаются удрать. Я не даю. Вспомни, Клемс.

Клемс молчал, тяжело и несдвигаемо глядя Доку в глаза.

– Девять лет?

– Около того.

– Вот так каждый год – ты покупаешь слонов? А я не помню? Да ну, бред. Или нет... Док. Ты ведь – Док. Я бы в такую чушь ни за что не поверил. И память у меня... Ну, ты сам знаешь, проверяют регулярно, мы с тобой, Док, как лопы железные, в нас ломаться нечему. Нет, Док, я бы не поверил. Только вот, если ты это говоришь, значит, так и есть, Док. Я это знаю. Так что, выходит, всё так и есть. И... для чего всё это?

– Всё просто, Клемс, всё просто. Мы собрали стадо слонов. Так?

– И что это значит?

– Ничего не значит. Ничего.

– А...

– Раньше не значило. Но когда мы девять лет год за годом на пред Рождественской ярмарке покупаем каждый раз по три слона... Ты вспомни... Вспомни, если можешь. Первые были тихие, бессмысленные. Никто никуда не убегал, не вырывался, не вывертывался. А теперь? Видишь, да?

Док вытащил из-за пазухи по одному, очень аккуратно, всех троих: розового, желтого, голубого. И продолжил вынимать, как фокусник, из-за пазухи, из карманов, из рукавов:

белого в пупырышках, золотого, черного в красный горох, изумрудно-зеленого в стразах, ярко-фиолетового... стеклянных, пластиковых, бисерных, из толстого картона. Общего в них было только одно: все они были созданы для того, чтобы украшать праздничную елку. Об этом говорил их размер – величиной с крупный елочный шар, – и на спине маленькая петелька с продетой нитью.

Док доставал и расставлял их на столе с величайшей аккуратностью. Стол поскрипывал и как будто даже прогибался под их тяжестью, и Клемс опять заподозрил отчаянное нарушение очевидных физических законов. Воздух над столом как будто выгнулся и слегка гудел. Или... уже не слегка.

– Что это? – спросил Клемс, невольно подаваясь назад.

– Это стадо слонов, Клемс, – Док, напротив, пригнулся к столу и говорил почти шепотом. – Это оно. Двадцать семь голов. Ты представляешь, что такое двадцать семь слоновьих голов?

– А зачем... нам?

– Видишь ли, Клемс, когда ты умер...

– Я... Что ты сказал, Док?

– Когда тебя ранили в Клиμπο... И мы не донесли тебя до базы, потому что ты... Потому что ты умер, Клемс, потому что ты, черт тебя дери, умер у меня на руках, и я чувствовал твой чертов последний вздох, и с тех пор... Я не мог дышать, Клемс. Я не мог дышать.

Стол ощутимо подрагивал, вибрация передавалась полу.

Клемс чувствовал, что стул под ним кренится.

– Я умер, Док?

Он хотел сказать: ты сошел с ума. Хотел: ты псих, Док, я же сижу и говорю с тобой, как я могу быть мертвым?

Но он не мог ничего такого сказать, потому что глупо было спорить с Доком. От правды не отвертишься, не отмашешься, хоть что себе думай. Правда проходит дрожью по мускулам, гулом в костях, скручивает позвоночник во все стороны разом. В глотке высыхает, и воздух скрипит на зубах. Девять лет?

– Ты не мог сам себя вытаскивать, поэтому покупал я. На твои деньги, потому что для тебя.

– Откуда ты знаешь, что надо именно так?

– Я не знаю. Я сам придумал.

– Ты придумал? Зачем?

– Ты умер, Клемс. Знаешь, что это значит?

– Я не могу прикоснуться к тебе... – растерянно сказал Клемс. – Как я не замечал? Девять, ты сказал?

– Девять, сердце мое. И этот был последний.

– Почему?

– Помнишь, в Клиμπο, когда взбесились слоны? Разметали деревню в хлам... Стены – как картонки... Девять лет. Двадцать семь слонов, Клемс. Двадцать семь. Стена между нами? Ей конец.

Слоны трубили. Золотые и серебряные, бархатные и бирюзовые, стеклянные, выточенные из дерева, сшитые из лос-

кутков, с башенками и погонщиками, в нарядных попонах, с кистями и помпонами, с позолоченными бивнями, в горошек и в клетку, в полоску и в цветочек, с поднятыми к потолку хоботами, они трубили звонче всех труб, глубже всех голосов преисподней.

– Я не знал, что делать. Я просто не мог ничего не делать, Клемс, и не знал, что.

– Неправда, Док, – сказал Клемс убежденно. – Ты всегда знаешь, что делать. Ты – Док.

В мареве, поднимавшемся над столиком и заполнившем уже все кафе, здешнее мешалось с иным. Слоны шли сквозь стены – глинобитные и сложенные из бревен, каменные и бетонные, – взрывая кладку, расшвыривая кирпичи и доски, расщепляя ткань времени и пространства. И Клемс протянул руку и Док положил свою ладонь поверх его ладони, а потом стол взорвался, разлетаясь сотнями щепок во все стороны.

Никого не задело.

Девочки Дока

...Как будто Дока мы потеряли в Клиμπο, девять лет назад.

С ума сойти – время летит. Как будто вот на прошлой неделе еще мы с ним пахали носом грязь на полосе, или сидели у него и молчали, просто глядя в камин, что еще делать, когда всё друг про друга известно?

Да, всё, хоть он, может, и не догадывался. Но я понимала что к чему. И когда в Клиμπο у нас случилось минус два, он и Клемс, и лежали рядом в вертолете, я подумала: повезло им, что так. Вроде бы я так подумала.

А у Дока остались три девочки.

И как будто никто не знал об этом. И только вчера вдруг ребята мне их буквально сунули в руки: на.

Я думала, они и забыли давно, что я, в общем, девочка – по крайней мере, когда-то была ею. Но бессознательное рулит, особенно коллективное. Вдруг, ни с того ни с сего, мне вручают этих трех. Спрашивается: что я должна с ними делать?

Отпихиваться и отказываться было бессмысленно. Ясно же, что никто их себе не возьмет, хоть это и Дока «наследство». Хотел бы кто – взял бы. О других его штуках до споров доходило – кому взять. А девочки никому не нужны.

Странно вообще, что только сейчас о них речь зашла, если

Дока уж девять лет как нет.

Странно.

Док такой – язык не поворачивается сказать «был», потому что в это верится с трудом. Как это – девять лет уже его нет с нами? Буквально же вчера... или позавчера? На прошлой неделе, точно, перед самым Рождеством. Что-то мы вместе делали. Может, заворачивали подарки ребятам? Док у нас главный затейник. И вообще с причудами. Ему можно, он самый умный.

Однако такого номера и от него не ожидала: три девочки. Все около двенадцати дюймов ростом, две такие несуразные, головастые, а одна – почти нормальных пропорций; одна из головастых – с тоненьким тельцем, другая пузатенькая, и шапочка на ней с острыми ушками, а улыбка оснащена вполне недвусмысленными вампирскими клычками; та, что почти нормальная, по лицу разрисована черной и красной краской, настоящая кукла-калавера, и рот у нее перечеркнут короткими черными штрихами, как будто зашит. В общем, из трех всего одна нормальная, только рыжая. Это если не считать, что дюйма четыре из ее росточка приходится на голову. А так ничего, волосы рыжие, глаза розовые – дитя как дитя. По сравнению с клыкастой и с черепушечкой – покой разуму, отдохновение душе.

В общем, Док в своем репертуаре. Если вам мало странности в том, что здоровый мужик разводит кукол, то нате успокойтесь: куклы сами по себе страннее некуда.

Или я ничего не понимаю, но в моем детстве, когда я была девочкой и возилась не только с машинками и пистолетами, вот с этими я бы в одной комнате спать побоялась. Хотя и фиг бы сказала кому.

Но теперь – не тогда, теперь я этих к себе взяла почти с радостью. Не знаю, как так вышло, только мне от Дока ничего больше и не осталось, кроме этих вот... И когда же, получается, всё разобрали? А где я была? Вот чёрт, и не помню. Как смыло всё, как будто на песке всё было написано, волна прошла туда-обратно, и нет ничего.

Но Док-то был? Точно был, вот на той неделе мы с ним... Как будто бы.

Нет, я не столько выпила вчера, я столько не выпью. Просто путается всё. Док – он и сам странный такой, и всё вокруг него такое.

И вот я этих его «сироток» домой принесла и на каминной полке устроила.

Что, говорю, сестренки, где ютились девять лет?

Смотрю, платица на них свежие, не пыльные, не особо и мятые. И такие мимими, такие пусечковые, сил нет, смешно мне стало, что Док своих малявок вот так вырядил: в кружавчики, в оборочки, в фартушки, и всё работы явно ручной, домашней... Надеюсь, он это не сам. Да хоть бы и...

И смотрю на них, люблюсь, а они на меня... Вот так глазами – с недоумением и настороженностью, как будто в упор спрашивают: что ты несешь, дура старая, какие девять лет?

Вот так все три в один голос.

Тут меня к дивану и пришилило. И холодом ледяным поверх.

Я чего только не видела. Где только не бывала. Не к ночи будь сказано оно.

Но вот такого, чтобы так – нет уж, увольте. Я не нанималась и не подписывалась.

Одна радость, диван подо мной сухим остался, и это правда чудо.

Выдохнула потихоньку, смотрю: ничего такого, куклы как куклы. Странненькие, страшненькие, но ничего пугающего в них нет. Ух. Тьху. Ничего себе. Ладно, понаблюдаю, мало ли – может, проверяться пора.

И тут же забыла об этом.

Дело к ночи, праздники отгуляли, режим. В спальню их, конечно, не потащила, еще чего. И не потому что испугалась. Просто – есть куклы для спальни, а есть вот такие. Для каминной полки. Здесь им и веселее – вон, на елке ангелы, пусть им глазки строят, а я как-нибудь лучше эротических снов посмотрю, с мужиками, пляжами и прибором, да.

Ну, мне всё так и приснилось: пляж не пляж, а песчаный берег, и рука на нем как будто буквы пишет, а волна туда-обратно проходит и смывает написанное, я разобрать не успеваю. Рука мужская и вроде знакомая, такая знакомая, что мне не по себе даже во сне стало. Вспомнить пытаюсь: тот, что с родинками на щеке из Штральзунда? Или бритый из

Милана? Или Бобби? Или кто вообще? Так и так про эту руку думаю, к себе прикладываю, на бедро, на живот, на грудь... Не прикладывается. Так умаялась ее вертеть, что и проснулась.

И когда проснулась – поняла. Не могла эта рука никогда ко мне так... приложиться. Потому что. Потому что это – Док. Его рука. Я сто раз видела, как он вот так по карте... Это он.

Всё, сна ни в одном глазу, лежу, как доска, прямая, гулкая... И пытаюсь вспомнить: что же там написано было? Что за буквы смывала волна? Не отпускает. Ни вспомнить, ни забыть... И три девчонки Дока на туалетном столике – смотрят на меня, не отводят горящих глаз. Какой уж тут сон...

А вот какой: как будто Док сидит на берегу, волны перед ним катятся наискось, мелкие, тоненькие, не поймешь – море, река ли. Я его со спины увидела, как он смотрит вперед – а там туман непроглядный и, кажется, непроходимый. И потому не разобрать, что там за вода. А затем как будто камера переместилась – и мне его показывают с лица, и он так ладони отряхивает и смотрит как будто в камеру и говорит... уверенно так и гладко, как в рекламном ролике, что жить ему тут хорошо и ничего ему не нужно, никуда он не собирается отсюда, совершенно счастлив, что это вот тутошнее – всё, о чем он мечтал. И по улыбке его широкой, доверительной понимаю, что попал Док крепко, о чем мне и сигналит. Видимо, на случай, если меня зрение подвело и я не вижу,

что у него за спиной.

А за спиной у него стройные пальмы машут плюмажами по ветру, бугенвиллеи и фламбояны полыхают аж наизнанку выворачиваются, колибри сверкают летучими драгоценностями, и всё бы ничего, только шагах в ста за ними – тот же непроходимый туман стоит до неба.

Ох, думаю, Док, довыдрючивался... Проснулась – и думаю. Что же ты, Док, такой благостный, перед кем изображаешься? Кто тебя на камеру снимает и мне транслирует – как пленного или заложника. И почему сейчас, не девять дней – девять лет спустя после твоей гибели, вот и сиротки твои брошенные... И чувствую, на правое запястье мне будто надавило что-то. Крепко так надавило, прижало к постели. Как дышала, так и дышу, будто не заметила, будто сплю. Веком не дернула, ресницей не дрогнула, прислушиваюсь. Ничего не скрипнет, не шуршит, только одеяло едва-едва проминается, как будто кошка по кровати идет. Только кошки никакой нет у меня. Маленькие шажки, крохотные ножки. И на правое запястье – как будто наступили маленькой ножкой.

И проснулась – в том неконтролируемом ужасе, какой у меня и может-то быть только во сне и на выходе из сна. Не могу рукой пошевелить. Ни одной, ни другой. Потому что на правом запястье у меня стоит Рыжая, на левом Кровоопийца, а Черепушка у меня на груди топ-топ-топ, тум-тум-тум – марширует, перебивая сердечный ритм. Я посмотрела в ее глаза и узнала, что умираю прямо сейчас.

И тут дверь открылась и в спальню заглянул Енц.

– Эй, Ягу, спишь?

Я поняла, что сплю, и проснулась.

Никого не было на моей кровати, кроме меня и одеяла, и на нем никаких следов, только на груди как пригоршня синяков рассыпана, как будто по бронежилету отстрелялись из чего-то не очень мощного... И Енц тут как тут, хмурится, смотрит с подозрением.

– Тебе что, тоже сегодня досталось?

– Тоже? – переспрашиваю его, растирая грудь. – Что значит «тоже»?

Он только хмыкнул, качнул рукой – иди, мол, за мной, – и вышел из спальни. Я свитер поверх пижамы натянула – то ли дом выстыл, то ли меня еще от сна трясет. И за ним, в гостиную, к камину.

– Сначала мне снилось, что мы опять в Климпо... И всё безвыходно, ни туда ни сюда. И Док придумал направить слонов на их позиции, и они с Клемсом ушли в буш... А потом они лежали рядом, кровь уже не текла, вертолет всё не летел, и я вот всё это видел, как наяву, оно повторялось и повторялось, я понимал, что что-то не так, чем дальше, тем сильнее понимал, но что именно не так – не понимал. Раз двадцать, наверное, я смотрел, как Дока и Клемса кладут на площадке. Тир и этот, новенький. Подожди, его же тогда с нами не было? Он же только в прошлом году пришел? А Дока кто по-

ложил? Опять не понимаю, что с этим сном не так... И как будто вот эти три, – Енц кивнул в сторону камина, отхлебнул из стакана, звякнув кубиками льда, и посмотрел на меня. Я только сейчас заметила, что у него вокруг глаз чернушие круги и лицо осунулось, как будто он неделю не спал.

– Вот эти три, – с усилием повторил Енц, и я посмотрела на полку. – Как будто они прошли так гуськом, как Битлы по переходу, понимаешь? Только втроем. Прошли между мной и лежащими, Доком и Клемсом. Деловые такие. И посмотрели все трое. Я путано говорю, наверное. Ты понимаешь?

– Я понимаю, Енц. Еще как понимаю. А сюда-то ты чего приехал? Не то чтобы я была против, но так вдруг... С чего бы? Что нужно-то? Ты уж скажи, а то я спать хочу не могу.

– А не знаю. Я проснулся и понял: надо ехать к тебе. Как они прошли мимо меня – так я и проснулся. Завел конягу и поехал. Как под гипнозом. Слушай, можно я у тебя переночую? Прямо здесь, мне нормально. Просто ехать обратно – лень. Да и выпил я.

Выходит, не мне одной проверяться пора. Ладно, утром разберемся, сейчас бы спать, я-то небось не краше Енца, в зеркало, пожалуй, заглядывать не стоит. Выдала Енцу пледы, подушки, полотенца и пошла себе к лестнице, спать же невыносимо хочется, ночи той всего ничего осталось. А Енц так мне в спину:

– Ягу, будь другом, забери этих. Ну, этих, с каминной полки. Сироток Доковых. Сунь их куда-нибудь до утра. Я как-

то... как-то так.

Черт, Енц, если бы он не сказал этого, я бы спокойно к себе спать ушла и было бы мне хорошо, потому что такое блаженство видеть, как эти три сиротки смиренно стоят на каминной полке, ничего приятнее и не бывает. А теперь – не могу же я ему признаться, что боюсь их до коликов? И не только Енцу признаться, себе тоже. Так-то самой по себе и признаваться не было нужды, сама с собой я бы эту тему обошла, проигнорировала бы. А тут деваться некуда. И я хмыкнула с крошечной долей насмешки, вернулась к камину, сгребла всех трех девочек одной рукой, прижала к груди, унесла с собой. А что в поворот не вписалась и косяк плечом задела – это я-то! – ну, надеюсь, Енц сам додумался списать это на сонность.

По всему выходит, что Доковы куколки непростые и каким-то образом связаны с тем, что с Доком происходит там, откуда он мне белозубую и беспечную улыбку свою рекламно-завлекательную шлет. Либо они представители того, кто Дока там удерживает. Либо они... от Дока?

О ком другом я такого бы и подумать не могла. Ну, пока в своем уме.

А вот про Дока – запросто. И что куклы эти – его связанные, и что где-то там, между стенами тумана на берегу безысходной реки, – а что это река, я понимала теперь абсолютно уверенно, – что на берегу безысходной реки – почему-то она представилась мне закольцованной, с течением непре-

рывным и небыстрым, всегда одна и та же вода, с циклом... ну, зависит от радиуса, конечно, в общем, я увлеклась подсчетами, только чтобы не думать, кто может удерживать Дока там, на том берегу.

Связные ли эти три девочки и чьи, я вдаваться в подробности не стала, а поступила так, как подсказывала логика. Уложила их в ряд на подушках, себе место оставила между рыжей и клыкастой, калаверу дальше всех от себя разместила. Вспомнила, как она на моей груди подпрыгивает и чечетку отбивает – и сон как сдуло. Но раз они хотят говорить о Доке – я буду спать.

Ух ты, подумала я, уже отключаясь, а ведь это они Енца сюда пригнали, чтобы я их в спальню забрала? Матьерь божья, куда ж они меня-то загонят и для чего?

И уснула.

И тут они зашевелились, встали и опять топ-топ по постели. Одна на правое запястье встала, другая на левое, третья карабкается на грудь. Теперь уже по-настоящему.

– Вот так, – говорят, – так-то лучше будет, теперь не проснешься.

И я понимаю: не проснусь.

Умру, а не проснусь.

– Чего вам, – говорю, – чего надо?

– Нам надо, – соглашаются все три.

– Чего ты за Дока не пожалеешь? – спрашивает Рыжая.

Калавера уточняет:

– Для Дока, – и наклоняется к самому лицу. – Один сон в твоей жизни, ммм?

Она пока просто стоит у меня на груди, прямо над сердцем, смиренно стоит, даже не переминается, а в меня как будто кол вбили, прямо в грудь, сквозь сердце. Дышать больно и, кажется, совсем невозможно.

– Не пофалеешь один сон? И немнофко крови, да? – спрашивает и сама же кивает Кровопийца. – Фоглафна?

Сон они у меня и так уже увели... а крови – что той крови, немного крови для Дока, который никогда не бросает своих? – да легко. Киваю и заранее морщусь, представляя, как девочка с зубками присосется к моему запястью.

Но всё не так просто, Ягу, всё не так просто.

Калавера вытягивается в струнку разводит в стороны пухлые детские ручки, слегка подпрыгивает – и пошла плясать, туп-туп-туп, том-том-том, перебивая сердечный ритм, задавая сердцу новый, неживой. Я умру, понимаю я, я умру. И пока я умираю, они говорят: не сомневайся, мы за Дока, мы его девочки, а ты? Я отвечаю...

Кто отвечает?

Кто – что?

Меня больше нет. Я – три девочки, три куколки, три беспокорных... Не знаю слова. Я-мы выходим на берег – перед нами река, перегороженная пополам густым туманом. Я вспоминаю, что Енц приехал не с пустыми руками, оказывается. Я разворачиваю надувной плотик и дергаю шнур.

Фшшшш – недолго ждать, в два гребка я добираюсь до туманной стены, зажмуриваюсь, обращаясь в слух – никого там нет, кроме меня. А по ту сторону тумана сидит Док, но не было бы никакого смысла во всем этом, если бы не было с ним Клемса, и я шарю взглядом по берегу, пока вытаскиваю плотик на песок, вспоминаю еще кое-что и швыряю Доку плитку НЗ – он ловит ее так, что я опять сбиваюсь со счета. Девять дней? Девять лет? Наверное, здешнюю воду – хоть залейся ею, – обеззараживать смысла нет. Док кивает – понял без слов, а разве бывало иначе? Хорошо, что Енц привез и воду, вспоминаю я, одновременно слыша внутри перебранку в три голоса:

– Не подумала!

– А сама!

– Дура шепелявая!

– Уродина!

– Вы обе! Заткнитесь! Давайте еще раз с начала!

И да, всё прокручивается еще раз, Енц заглядывает в спальню, выдирая меня из невнятного ужаса, пьет виски, ежится, просится ночевать, просит унести кукол. Я беру их с собой, они берут с собой меня, и вот мы снова на берегу бесконечной реки, и Енц привез воду, я протягиваю Доку пластиковую бутылку и смотрю, как он жует и глотает, как по шее и подбородку льется вода, господи, Док, живой настоящий Док, как же может быть, что его не было так долго и вообще, ведь вот на прошлой же неделе – перед Рождеством...

– Ты только не пытайся считать, – говорит Док, – ты не пытайся время считать, времени нет. Только с толку себя сбиваешь. Просто вот так. Не важно, почему. Так есть.

Но я его слышу плохо, потому что оказываюсь маленькой – не выше двух ладоней от земли. И я смотрю на него снизу и говорю строгим голосом, как Рыжая:

– Что, довыпендривался?

И как Черепушка:

– Думал – так просто выдернешь человека с того света, да и станешь себе жить дальше?

И как эта, с клычками:

– Какой фмефной ты, фефное флово.

И как я сама говорю, держа его за плечи:

– Чтобы вывести кого-нибудь из царства мертвых, надо самому туда пойти, ты разве не знал? Вот, я пришла за тобой. И раз ты еще здешнего не ел и не пил, пойдём-ка домой, а?

– Я не нашел Клемса, – мотает головой Док. – Я не пойду.

Ну да. Док своих не бросает. Он только готов бросить нас и остаться здесь, но этот перевертыш моей логике сейчас не осилить.

Рыжая веселится:

– Смешной, точно, смешной!

Калавера-я авторитетно разъясняет:

– Это хорошо, что не видел. И не смотри. Мы выведем тебя, а ты выведешь его, но раз он здесь уже ел, то он тебе не виден. Только тень. Поэтому ты иди и не оглядывайся.

Просто иди – и не оглядывайся. Ни за что.

И мы идем. Я-три девочки впереди, ведем его за руку. Он за нами. Я-клыкастая краем глаза замечаю, что тень под бананом провожает нас взглядом, отбрасывает в сторону тень банановой шкурки, встает, отряхивает руки, идет за нами. Сто шагов до берега, тысяча шагов. Но я знаю – каждая из нас знает, что Док не оглянется, потому что тогда ему придется бросить кого-то из своих, или нас с Енцем, и Тира, и Бобби, и новенького, или Клемса, а он... В общем, он Док. Нам просто надо идти к берегу, к плоту, идти, идти и дойти.

А то Енц проснется, а нас никого нет.

Енцу снится Клиμπο, вертолет, выступающий из выбеленной синевы всё отчетливее и крупнее, трое, лежащие в ряд на краю площадки. У Ягу кровь еле остановили, она серая сквозь красную здешнюю пыль, но улыбается, хрипит на Дюка: всё из-за тебя, псих, придумал тоже – слоны... Док виновато морщится, пытается разглядеть, как там Клемс. Клемс без сознания, но жив, и будет жив, потому что этот чертов вертолет уже завис над площадкой, пошли-пошли, быстро-быстро... Енцу снится, что все долетят до базы, и он помнит, что на самом деле так оно и было.

Козья жимолость

Ягу, яростно натиравшая полотенцем коротко стриженую голову – как будто в мокрой каракулевой шапочке, – замерла, помахала нетерпеливо в воздухе рукой, наклонилась туда-сюда, чтобы поймать в зеркале нудное отражение, обратилась к нему:

– Док, как называются эти цветы, знаешь, фиолетовые, четырехлопастные, по стенам ползают. Не глициния. И не космея.

– Четырехлепестковые, – уточнил Док, не поднимая головы: он уже натягивал носки. – Космея не ползает по стенам. То, что ты пытаешься вспомнить, называется клематис.

– Отлично. Спасибо, док. Вот так, Тир. Клематис – это красиво. Это подарок. Или розы такие – по решетке вьюном.

Тир лениво качнул головой:

– Мне больше нравится жимолость.

– Да ну! Ты сказал, жимолость? Это же как... ромашки и одуванчики.

– Ну и что.

– Док! Скажи ему, Док! Кто сажает на клумбе одуванчики?

Из облака лавандового талька ответил Енц:

– Ну нет, жимолость не одуванчик. Очень даже декоративно.

Бобби, высовывая голову из ворота футболки:

– Уж получше клематиса.

Ягу:

– Чем тебе клематис не нравится?

Бобби:

– Банально! Как флоксы.

Енц:

– Что ты знаешь о флоксах?!

Док:

– Народ, не подеритесь.

Я:

– Мне глициния больше нравится.

Ягу:

– Новенький, не лезь...

Клемс:

– Глициния элегантней.

Бобби:

– Жимолость не так претенциозна.

Ягу:

– И дешевле.

Тир:

– Да не в этом дело.

– А в чем? – тихо спросил Док, и все замолчали.

– Ну... – Тир покрутил пальцами перед собой. – Кристина читала Стендаля. И там есть... Куст козьей жимолости, воспоминание о нем. Герой...

– Сальвиати.

– Спасибо, Док. Вот этот Сальвиати вспоминает куст, увиденный им в определенный день, когда он был счастлив и страдал от любви.

– Был счастлив и страдал? – переспросила Ягу.

– Она его не любила. Всё запутанно там. Но Кристина считает, что это очень трогательный и драматический момент. О том, что для любящего весь мир становится отражением... Весь мир ему рассказывает о его любви. И вот... У нас пять лет. Знаете, бывает: думаешь про что-то, что это надо сделать, но оно так очевидно надо и так просто, что как-то и не делается. Как будто оно настолько само собой разумеется, что уже практически так и есть. И как будто это для всех так. И вдруг ни с того ни с сего до тебя доходит... статистика. Сколько из наших коллег доживет до тридцати пяти. В общем, я вдруг понял, что Кристина не знает, как мне тоже... задал в душу этот куст. Я так и не собрался прочитать Стендаля. Но с ее слов – так получилось, этот куст уже и мой тоже. И я хочу ей это показать. В начале июня будет пять лет, как мы поженились. И каприфоль цветет как раз в это время. Вот и всё.

– Тир, ты крут, – сказала Ягу. – Ты просто монстр. Даже мне теперь козья жимолость будет... не просто так. Особенной. Надо же. Я даже ничего не знаю про этого Сальвиати. Но теперь буду думать о нем, когда увижу жимолость. А ты, Док – ты откуда знаешь про Сальвиати?

– Оттуда же. Читал, давно. Это имя напоминает мне о шалфее, а я люблю шалфей.

– Ну, это-то все знают...

– Бедный Стендаль! – восклицает Док. – Никто его не читал, а вот что Док любит шалфей – это общеизвестный факт. Сик транзит gloria mundi.

Док уже одет, стоит у двери из раздевалки, многозначительно покачивая рукой с часами. Док в сером, как обычно: снизу доверху и во всех слоях, сколько он на себя ни надеет. И только бац – яркий, невероятной расцветки и выделки шарф, или сумка, или даже целый кардиган – но только если он выглядывает из-под серого плаща, никогда не снаружи, не поверх всего. И только однажды, один раз. Что-то яркое будет и завтра, но другое. Это Док. С его внешностью трудно быть незапоминающимся, но у него получается.

– Ладно, народ, сегодня свободны, завтра как обычно.

Вообще-то мы такие секретные, что сами о себе ничего не знаем. Говорят, так надежнее. Я понятия не имею, как они это устроили, но снаружи я ни хрена не знаю, кто я, во что верю, на кого работаю. Знаю, что у меня есть важное и опасное дело, знаю, что оно мое, я сам его выбрал. Но это и всё. Совсем всё. Хотя нет, я еще знаю, что у меня есть они – команда. Вот теперь всё. «Старички» узнают друг друга, если встретят снаружи. Узнают и меня. Я их не узнаю и не вспомню никого конкретного. Пока это так.

Это чертовски тревожно и неудобно – постоянно чувствовать внутри себя огороженную яму, в которую провалилась добрая половина твоих смыслов и ценностей. Только полосатая лента вокруг свидетельствует, что эта яма есть и что там всё на месте. Наверное.

Поэтому я не люблю выходить наружу. Мы все не любим. Если бы Док нас не разгонял... Самого Дока, наверное, тоже кто-то выгоняет. А может быть, он выходит, потому что выходит Клемс. У них, как у Тира с Кристиной, только как у них. Больше ни у кого длинных историй не сложилось ни с кем, ни снаружи, ни внутри. Только у этих. Ромео и Джульетта, счастливые и живые, две пары.

Только Тиру надо выходить наружу, чтобы попасть к своей Кристине, а Доку с Клемсом было бы и незачем, наверное...

Там, снаружи, всё иначе.

Там у меня никого нет. И пока последняя из дверей не распахнулась передо мной, вспышкой уличного света отсекая меня от моей памяти и любви, я думаю о Тире, о его красавице жене, о скором прибавлении в их семье, о домике в пригороде, перед которым скоро раскинет золотисто-розовые легкие локоны каприфоль, козья жимолость несчастного Сальвиати, который был влюблен безответно, о, брат мой на этом пути...

Назавтра Тир опоздал на тренировку. Может быть, он за-

был о нас, может быть, так бывает чаще, чем нам говорят. Нам говорят: никогда. Но я не верю. Каким-то образом каждое утро я просыпаюсь и знаю, что мне надо вставать и собираться, знаю, что именно я должен взять с собой и как одеться. Знаю, во сколько я выйду из дома – ни минутой раньше, чем надо выходить, но я уже полностью готов, потому что до того я уже знал, что пора отодвинуть кружку с крепким пряным шоколадом и встать из-за стола, накинуть пальто и подхватить сумку. Я знаю маршрут – поворот за поворотом, перекресток за перекрестком, я каждый раз вспоминаю алгоритм парковки, когда добираюсь до подходящего района, я безошибочно подхожу к двери в тот момент, когда она открывается – именно для меня. Но что если однажды я забуду вспомнить первый пункт? Что если Тир забыл?

Мы просто были в раздевалке и ждали его. Док стоял перед нами, и по нему было не понять, беспокоится ли он, и видно ли, как беспокоюсь я.

Но Тир появился – ровно в тот момент, когда Док собрался назвать в коммуникатор соответствующий код, мы услышали его торопливые шаги, он ворвался в зал, не переодевшись, и вытолкнул из себя слова, настолько неуместные и нелепые, что никто сразу не понял, о чем он. Ладно, и не сразу тоже. Мы вообще долго не могли понять, что он имеет в виду.

– Народ, у меня жена пропала.

– Что? Как?

– Совсем пропала.

Док окинул его недоверчивым взглядом, как смотришь на человека, которого знаешь долго и близко, и вдруг он выкидывает что-то совершенно ему не свойственное.

– Что ты хочешь этим сказать, Тир? – спокойным голосом неторопливо уточнил он.

Тут я увидел, что Тира только что не трясет, я бы даже подумал, что он испуган, очень сильно испуган. И он ответил, еще медленнее, чем Док, выталкивая слоги по одному, отдельно и отчетливо:

– Пропала моя жена. Кристина.

– Как она могла пропасть... – начала Ягу.

– Совсем! – отрезал Тир, уже давая волю сжатому в нем отчаянию. – Совсем!

И пока он продолжал: как будто ее и не было... – Ягу успела закончить свое:

– Как она могла пропасть, если ее и не было?

«Ее и не было» они сказали одновременно, и почему-то именно это ударило по нервам, как внезапный резкий звук в очень давно и абсолютно точно пустом доме. И хотя каждый из нас прекрасно знал, что у Тира никогда не было никакой жены, ни Кристины, ни какой-либо другой, в это мгновение, после прозвучавшего на два голоса отрицания, всем как будто показалось, что она, если и не была, то могла быть. Иначе зачем было бы накладывать один голос на другой, скрепляя их, как двойную спираль, отражая друг в друге, гася возму-

ценную интонацию Тира отрицающим вопросом Ягу? Впрочем, это слишком сложно, никакой такой объяснительной мысли не возникло, просто – показалось, что какая-то женщина по имени Кристина, о которой говорит Тир как о своей жене, на самом деле была, а теперь ее нет, как будто никогда не было.

На самом деле ее и не было никогда.

Наверное, даже глазами можно было увидеть, как это мгновение прошло в пространстве, как по воде проходит расходящийся круг от брошенного камня, только камень упал где-то еще, не здесь.

– Тир, – сказал Док. – У тебя не было жены. Я бы знал.

– Нет, Док, – набычился Тир. – У меня была Кристина. А сегодня... Док! И ты туда же! Что происходит? Куда вы ее дели?

– Тир, успокойся. Я на твоей стороне. Я не стал бы тебе врать. Ты мне веришь?

– Я верю тебе, Док. Я тебе верю больше, чем самому себе. Только не сейчас. Ты не врешь. Ты, видимо, просто не в курсе, Док.

Док молчал совсем недолго.

– Ок, Тир. Введи меня в курс дела.

Заодно Тир ввел в курс дела и всех нас.

– Сегодня проснулся в старой квартире, которую снимал до свадьбы, один, Кристины нигде нет, ее номер не обслу-

живается оператором, мои родители... Мать с ума сходила в ожидании внуков, все пять лет проедала, когда мы заведем детей, последние полгода задрала названивать про здоровье и всякие приметы... А теперь она беспокоится, не надо ли мне проверить голову, потому что она, видите ли, впервые слышит, что ее сынок пять лет как женат! Что скажете?

– У кого есть вопросы? – качнул головой Док.

Ягу подняла руку.

– Извини, Тир, я спрошу еще раз. Просто... для собственного спокойствия. Ты – уверен?

– В чем? В том, что я заснул вчера, обнимая ее – вот так? – Тир сгреб Ягу, обхватил обеими руками, на миг задержал так – и отодвинул. – В этом я уверен. Я помню, как она пахнет, какого размера ее живот, как торкается малыш пяткой в мою ладонь. Я помню, как она уснула, а я открыл сайт питомника и заказал куст жимолости... Народ, вы что? Я же вчера в раздевалке говорил об этом.

– Сальвиати, – сказал я.

– Точно.

Док посмотрел на меня долгим взглядом – я ответил ему:

– Потому что шалфей.

– Я помню, – вдруг сказал Клемс. – Потому что ты любишь шалфей, Док. Это правда.

– Опаньки, – сказал Док.

Не похищение. Мы довольно быстро установили, что по

документам никакой Кристины Ховен такого-то года рождения и так далее вообще никогда не существовало. Ее родители погибли в авиакатастрофе за пару лет до ее рождения. Дом на участке, принадлежащем семье Тира, никогда не был построен – не только по документам, но и совсем, просто его там нет. И так далее, и так далее, и так далее... Мы проверили всё. Никакой Кристины. Никакой жены у Тира, никогда. Так не бывает. Но именно так и было.

При этом сами мы то и дело «сплывали», задавались вопросом: а чем это мы занимаемся? А почему не физкультурой? Эй, Тир, ты чего такой?

К счастью, не одновременно. Каждый раз кто-то произносил кодовое слово – Сальвиати, и стеклянная волна откатывалась прочь.

Когда всё проверили, собрались в столовой, и Ягу сказала: Док, сдаётся мне, без твоих девочек не обойтись. Енц крикнул, остальные просто внимательно смотрели на Дока, как будто ожидая его разъяснений. Ну, и я так же смотрел – что за девочки у Дока, я знать не знаю. Док вздохнул, протянул левую руку чуть назад – Клемс поймал его ладонь, подставив свою. Я не видел до того, чтобы они вот так явно, при всех.

А Ягу так внимательно на это посмотрела.

– Что, Док, дорого обходится их помощь?

– Не то чтобы дорого, – покачал головой Док. – Это трудно объяснить. Вот для начала: заранее неизвестно, с кого они потребуют плату. Может, с меня. А может с Тира. А то и

вообще с тебя.

– А с меня за что?

– Они не «за что» берут, а «для чего». То, что им – или не им, а вообще, – нужно, чтобы сделать запрошенное. Так что это и не плата на самом деле. Расходные материалы.

– А, это как они с меня в тот раз взяли – сном и кровью.

– Вроде того.

– Так они что, бесплатно работают?

– Нет, но это никого, кроме меня, не касается.

– Тогда вопросов нет, – согласилась Ягу, а вот Клемс готов был спрашивать и спорить, но Док слегка сжал его ладонь, и он тоже согласился – подождать с вопросами.

Я бы ревновал, если бы в этом был хоть какой-то смысл. Я бы завидовал, но в этом смысла не больше. Я последним вошел в этот круг, и место мое было – с краю, а они были в центре, они и были центром, а я летел вокруг них по бесконечно удаленной орбите, и я даже не мог себе позволить хотя бы посмотреть вдосталь. Но я мог слушать – как они говорят между собой, какими короткими фразами обмениваются, как легко понимают и соглашаются друг с другом, как верят, как друг друга берегут. Ладно, и мое время когда-нибудь придет здесь.

– Енц, ты как? – спросил Док. – Тебе тоже тогда пришлось отдуваться.

– Да ладно, – махнул рукой Енц. – Ночь сурка... Не самая беспокойная ночь в моей жизни, уж поверь. Страшные они,

это да. А так – ничего, девчонки как девчонки.

– Ну, тогда... – он оглянулся на Клемса, и тот одним движением переместился к шкафчику Дока и вынул сверток: в несколько оборотов намотанный один из бесподобных доковых шарфов, точным и нежным движением – как живое – положил сверток в протянутые ладони.

– Дамы и господа, позвольте вам представить...

Док аккуратно развернул шарф, и все увидели, что в нем скрывалось. Три куклы в кружевных платьицах, непохожие друг на друга, но сразу видно: подружки. А еще как-то всем было очевидно, что за Дока они любого порвут, причем это не метафора.

А хотя – чего там, куклы как куклы. Одна с выбеленным лицом, разрисованным, как праздничный череп, другая с острыми клычками поверх нижней губы, третья обыкновенная, рыжая, только голова у нее была чуть не в половину ее роста.

Док сказал:

– Некоторые из вас их помнят, некоторые, видимо, нет. Это не важно. Я хочу, чтобы каждый решил, идет ли он на это дело. Это не задание. Никто не может приказать. Даже просить. Даже Тир.

Короткий взгляд в глаза Тиру. Тот кивнул. Дальше:

– Но дела обстоят так. Похоже, у Тира действительно раньше была жена, а теперь ее нет и не было. Боюсь, что за происходящее придется отвечать мне, потому что я это на-

чал. Если кто-то из вас помнит, мы потеряли Клемса в бою у Клиμπο, и девять лет его не было с нами, хотя сейчас вы знаете, что он был.

Тут Док вкратце рассказал, как он собрал девять слонов и проломил их яростью стены Аида, но застрял там, не смог выбраться, ни с Клемсом, ни один... Впрочем, как я понял, один он выбраться и не пытался. Енц и Ягу дополнили его рассказ своим отчетом – и я даже вспомнил, как мы Дока хоронили, и как потом всем досталось что-то из его наследства... всем, кроме меня. И как этих кукол то находили, то теряли в вещах Дока, вот точно так, как сегодня забывали, чем мы заняты и почему. Обнаруживали разряженных в кружево и оборки кукол, слишком громко удивлялись, немедленно забывали о них – пока не всучили Ягу, «потому что она девочка». Наследство Дока, погибшего под Клиμπο. Теперь я это вспомнил. Было непередаваемо странно одновременно чувствовать то горе и бессилие – и видеть глазами живого, сильного, уверенного Дока. Я бы сказал, спокойного, потому что он так выглядел. Но спокойным он не был.

– Сделанного не воротишь, да я бы и не стал. Но раз что-то нарушилось и никак не устаканится, придется выравнять. Одного меня для этого недостаточно. Кто-то может присоединиться к экспедиции, строго добровольно. Тогда есть шанс вернуть жену Тира. Я с барышнями, – он приподнял кукол, – пойду в зал. Кто придет, с тем и пойду. Кто не придет, к тому никаких вопросов, даю слово. Всё, пока.

И ушел, а Клемс с Тиром едва не столкнулись в дверях, несмотря на всю свою выучку, потому что каждый хотел успеть за ним первым. А я что? Я просто хотел быть с ними, мне это было необходимо. И я встал и двинулся за ними, но Ягу, понимаете, Ягу сказала: «Не лезь, новичок». Я посмотрел ей в глаза... и не полез. Всего лишь мгновение растерянности – и всё, она скользнула в проем, и дверь мягко закрылась за ней. Ладно, значит, будет не так красиво, как мне хотелось.

Краем глаза увидел, что Енц тоже идет.

В конце концов, в зале мы снова были все вместе, все до одного. Док не удивился, но и не обрадовался. Расстелили на полу маты, усадили чертовых кукол в центре, сами легли вокруг, взялись за руки. В первый раз, что ли, засыпать по команде...

Нет, не вышло: лежал, дышал, не спалось. Судя по тихим шорохам и вздохам, не я один так маялся. Отчаявшись, открыл глаза, похоже, одновременно со всеми. Шевелиться не хотелось, хотелось просто лежать и смотреть в потолок. Свет падал на него от горящего в центре нашего круга фонарика, и тени неторопливо двигались, как будто кто-то вел медленный хоровод.

– Ну и фто фы тут фаляетесь?

– Док, какой ты бестолковый, честное слово!

– Ты зачем такую толпу притащил? Как их выгружать потом?

Я приподнялся на локте и заглянул внутрь круга. Доковы девочки стояли там, маленькие, насмешливые, злые. Ягу сказала, что они страшные, но мне не было страшно. Я этому обрадовался. Хоть в чем-то я не отстаю от нее, а наоборот.

Зря я это подумал: одна из девчонок, та, что с разрисованным лицом, резко дернула головой, как на запах, поймала мой взгляд и нехорошо улыбнулась, не разжимая губ. Черепушка, вспомнил я, Калавера, танцорка на сердце.

– Я тебя запомнила, – сказала Черепушка.

– Фсе еффе не боифся? – подхватила клыкастая дракулица.

Рыжая только прищурилась.

На этом месте я закрыл глаза и какое-то время не слышал, что там дальше происходило. Когда открыл, Док и Тир о чем-то говорили с девчонками, судя по жестам и выражению лиц, яростно спорили. Нет, не так. Док и Тир отчаянно пытались спорить, а куклы просто объясняли, почему всё будет не так, как они хотят. Шум в ушах прекратился, и я услышал, наконец. Вещала Рыжая:

– Ты же сам объяснил бойцам, Док. Мы берем то, что нужно, чтобы повлиять на ситуацию. Может быть, тебе бы больше понравилось стрелять ромашками, но ромашки не убивают, Док. Ты стреляешь пулями и не споришь. Нет, Тир, ты не подходишь, от тебя разит страстью и тоской, ты просто проплавешь всё, порвешь... Док, ты тоже не подходишь, не дергайся. Не перебивай! Если не будешь перебивать, этот

ваш... новичок поймет быстрее. Где ты его взял такого, Док?
Ты заметил, что он...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.